

примыкания (без предлога) или предложной связью, выражена предметным или предикатным актантом, на который направлен предикативный или субстантивный признак на синтагматической оси, обычно является ремой высказывания и представляет свое семантическое значение в терминах грамматических ролей.

Как видим, данное определение категории дополнения имеет когнитивное основание и охватывает формальную, коммуникативную (прагматическую) и семантическую характеристики этой категории, то есть объединяет синтаксис, семантику и прагматику в одно целое.

Источники фактического материала

Fowles J. The Collector. London: Pan Books LTD, 1986.

Williams T. Sweet Bird of Youth. A Streetcar Named Desire. The Glass Menagerie. London: Penguin Books, 1983.

А.И.Пичкур

Самарский госуниверситет

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ОРНИТОНИМОВ

Одним из важных каналов, позволяющих проникнуть в новую национальную культуру, является язык, отражающий, фиксирующий и сохраняющий огромные духовные богатства, накопленные народом-носителем языка [1, 3]. Особую роль в возможности реализации такого типа информации играет фразеология, поскольку именно фразеологический фонд языка народа является источником обогащения литературного языка новыми выразительными средствами. Воздействие этого источника придает языку яркость черт национального характера и тот неповторимый колорит, который отличает один язык от другого, утверждает А.М. Бабкин [2, 5].

Понятие национально-культурной семантики первоначально разрабатывалось в трудах Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, а затем уточнялось и развивалось в работах других авторов. В частности, в статье разделяется точка зрения П.И.Донца, который называет факторы, определяющие понятие национально-культурной специфики. Это, во-первых, критерий специфики, означающий, что факт данной культуры может быть специфичным относительно одной или многих культур (специфика в узком и широком смысле), а, во-вторых, это

степень специфики (полная, если явление культуры полностью отсутствует в исходной культуре, и частичная, если отличия касаются деталей) [3, 7].

К наиболее многочисленным группам фразеологических единиц с национально-культурной семантикой относятся фразеологизмы, отражающие различные стороны традиционного быта, образа жизни людей, факты и события из истории страны, фразеологизмы, содержащие топонимы и др. [4, 7]. Широкий пласт фразеологии образуют зоонимы, продуктивность которых обусловлена не в последнюю очередь таким свойством всей анималистической лексики и фразеологии, как наличие в их семантической структуре признака социальности направленной оценочности, что позволяет использовать зоонимы для номинации свойств характера и поведения человека.

В данной статье рассматривается более узкая группа зоонимов - орнитонимы, т.е. единицы, содержащие названия птиц. Из структурно-семантических разрядов фразеологии для анализа выбираются устойчивые фразы, а именно, пословицы и поговорки. Выбор обусловлен тем, что афоризмы как краткие фольклорные тексты выступают знаками не отдельных понятий, а целых ситуаций и обладают поэтому богатым афористическим фоном (5, 4).

Предваряя рассмотрение собственно языкового материала, необходимо, однако, остановиться на следующем паремиологическом парадоксе, выделяемом Ю.И.Левиним: С одной стороны, считается, что в пословицах выражается национальный характер, "душа народа", с другой стороны, паремиологами установлено, что подавляющее большинство пословиц - универсалии. Представляется, что данное противоречие может сниматься указанными выше факторами национально-культурной специфики, то есть если рассматривать это явление как понятие не абсолютное, а относительное, и не пренебрегать установлением частных отличий, поскольку при близости рассматриваемых в нашем случае немецкой и русской культур, а также вследствие высокой универсальности анималистической лексики полная степень национальной специфики - явление крайне редкое.

Поиск национально-культурной специфики проводится на трех уровнях семантической структуры пословиц с орнитонимами: на уровне прямых значений компонентов пословиц; на уровне прямого значения ситуации, лежащей в ее основе; на уровне совокупного фразеологического значения пословицы.

На компонентном уровне была выявлена 21 тематическая группа собственно орнитонимов в немецком языке и 26 - в русском языке. Подавляющее большинство тематических групп совпадают в обоих языках, в русском языке не зафиксированы группы "Storch", "Lerche",

“Schwan”. В немецком языке в нашем материале не зафиксированы группы “журавль”, “дятел”, “индюк”, “перепелка”, “синица”, “тетерев”, “чайка”. Кроме собственно орнитонимов в анализ включены группы “гнездо / Nest”, “клетка / Käfig”, “оперение / Gefieder”, “fliegen / летать”, “яйцо / Ei”.

При почти полном совпадении компонентного состава орнитонимов группы отличаются своим объемом, т.е. номинативной активностью отдельных компонентов. Так, если самые крупные группы “птица / Vogel” и “петух / Hahn”, “курица / Huhn” примерно равны по объему, то в других группах наблюдается качественная асимметрия. Например, “ворона” - 29 пословиц, а “Krähe” - только 11. В этих группах наблюдается и качественная асимметрия, так как выражению “белая ворона” соответствует в немецком языке выражение “weißer Rabe”, таким образом, семантический объем лексем “ворон / ворона” и “Rabe / Krähe” не тождественен.

В группе “голубь / Taube” количественное соотношение составляет “1:8”. Русская пословица “*Денежки, что голуби, где обживутся, там и поведутся*” не имеет аналога в немецком языке. В свою очередь, пословица “*Gebratene Tauben fliegen einem nirgends ins Maul*” содержит национально-специфический компонент “gebratene Tauben”, хотя это уже скорее кулинарная семантика, а именно эта тематическая группа обладает, как известно, яркой национальной спецификой.

Относительной национальной спецификой обладает пословица “*Der Sperling in der Hand ist besser, als die Taube auf dem Dach*”, семантика которой тождественна русской “*Лучше синица в руках, чем журавль в небе*”, но компонентный состав ее другой.

Интересны с точки зрения национальной специфики группы “сокол / Falke”. Хотя оба орнитонима занимают важное место в фольклоре немецкого и русского языков, обозначая честного, храброго, доблестного воина, в русском языке его семантическая значимость выше. Это народно-поэтический образ, часто сопровождающийся постоянным эпитетом “ясный” и сопоставляется, как правило, с “добрым” молодцем, ср.: “*Ясного сокола узнают по полету, а доброго молодца по походке*”.

В немецком языке отмечены две пословицы с компонентом “Falke”, ср.:

1. “*Aus einer Krähe wird kein Falke*”.
2. “*Falken und Tauben muß man nicht zusammentun*”.

Во втором случае хищная птица противопоставляется мирной, т.е. воинственный человек - миролюбивому. Эта антитеза “Falken / Tauben” (“Aufhetzende Scharfmacher / Friedliebende”) использовалась, в

частности, в политической лексике, особенно периода холодной войны, для обозначения сторонников и противников войны. Однако, если “Taube” на русский был переведен как “голубь”, то вместо “Falke” использовался не орнитоним “сокол”, а “ястреб”, хотя по чисто биологическим свойствам и ястреб, и сокол - хищные птицы, используемые в охоте. Но коннотативный фон лексемы “сокол” не позволил использовать его в отрицательно-оценочном значении.

Одной из важных особенностей русского фольклора, в отличие от немецкого, является использование диминутивов, передающих различные экспрессивно-оценочные оттенки, ср.: *птичка - пташка - птичка-невеличка; синичка, коготок, ноготок и др.*, например: *С личика яичко, а внутри болтун. Птичка радуется весне, а мать деткам.*

Национально-культурной спецификой обладают также компоненты пословиц, которые не имеют эквивалентов в немецком языке или передаются с использованием других зоонимов, ср.: *На то у селезня и зеркальце, чтобы утки гляделись. Пуганая ворона куста боится. Beim Raben hilft kein Bad. Beschossener Hase flieht vor jedem Gebüsch.*

Наиболее яркой национальной спецификой на уровне компонентов обладает выражение “птичье молоко”, ср.: *Все есть, только птичьего молока нет. Птичьего молока хоть в сказке найдешь, а другого отца / матери и в сказке не найдешь.*

Формально в немецком языке имеется лексема “Vogelmilch”, и в иллюстрированном словаре Дубровина / Шенка “Russische idiomatische Redewendungen” она приводится в дословном покомпонентном переводе, который должен, по мнению авторов словаря, пояснить внутреннюю форму поговорки “Только птичьего молока не хватает”, ср.: *“Nur Vogelmilch fehlt”.*

Однако в немецком языке “Vogelmilch” существует только в значении “птицемлечник” (название растения, калька с латинского). Таким образом, подобное толкование внутренней формы может привести к непониманию. К безэквивалентной лексике, следует, видимо, отнести и название популярных кондитерских изделий с названием “Птичье молоко”.

Выявление национально-культурной специфики пословиц на втором уровне т.е. на уровне ситуативном, должно вестись с учетом структуры пословиц и поговорок. Паремнологические исследования показали необычайную устойчивость как семантических, так и синтаксических связей в указанных языковых единицах, что позволяет зафиксировать их в четких формализованных схемах. А.А.Крикман говорит в этой связи о фонетической (или эвфонической) и синтаксической упорядоченности пословиц [6, 15]. Пословицы с высокой степенью эвфонической упорядоченности, т.е. построенные на

рифме, аллитерации и др., обладают низкой межъязыковой эквивалентностью и, следовательно, национально-специфичны, ср.:

Хорошо птичке в золотой клетке, а еще лучше на зеленой ветке. Утка в юбочке, курочка в сапожках, селезень в сережках, а корова в рогоже, да всех дороже. Der Geher hol's die Leier. Viel Geschrei und doch kein Ei.

Синтаксическая упорядоченность выступает в виде синтаксической симметрии. Пословицы, как правило, состоят их двух-трех синтагм или двух пар синтагм, которые семантически противопоставляются, сравниваются или выводятся друг из друга [6, 152]. В пословицах с орнитонимами синтаксическая симметрия создается прежде всего антитезой. Антитеза характерна для всего фольклора в целом. Для славянского фольклора, например, даже установлены основные семантические противопоставления. Наш материал показал, что они характерны и для немецкого фольклора. Так, мы выделяем дихотомии “день / ночь”, “белый / черный”, “свой / чужой”, “близкий / далекий”, “старший / младший”, “главный / второстепенный”.

При этом модель с антитезой оказалась в рамках исследуемой семантики более продуктивной в немецком языке (33 антитезы в немецком корпусе единиц и 20 - в русском). Наиболее типичными здесь оказались модели, сопоставляющие птиц по важности / престижности и по возрасту (взрослая птица / птенец), ср.: *Вороне соколом не быть. Выменял кукушку на ястреба. Яйца курочку не учат. Das Huhn des Nachbarn ist eine Gans. Es gibt mehr Spatzen als Lerchen. Das Kücken lehrt die Glucke scharren.*

Интересно, что такой параметр, как “престижность, ценность птицы” является в пословицах величиной относительной, ср.: *Синица в руках лучше, чем журавль в небе, но Хоть тресни синица, а не быть журавлем. Aus einer Gans wird kein Adler aber Das Huhn des Nachbarn ist eine Gans.*

Анализ национально-культурной специфики орнитонимов на ситуативном уровне показал, что типичные ситуации здесь складываются прежде всего из признаков естественного поведения птиц, условий обитания, а также особенностей использования их человеком. Однако немецкий и русский паремиологический фонды по-разному используют эти объективные данные, хотя носителям этих языков они известны в равной степени, вследствие близости климатических и природных условий и культурных традиций. Так, в пословицах с компонентом “Storch”, не имеющих эквивалентов в русском языке, используются такие объективные признаки, как среда обитания и пища (болото / лягушки), а также “голос” птицы, ср.: *Wo Frösche sind, da sind auch Störche. Laß die Störche klappern, das ist ihr Gesang.*

Национальной спецификой обладает и такой признак, как оперение птицы и его потеря (“Federn verlieren”). Если в русском языке этот признак отражен только в пословице “Попал, как кур в ошпун”, то в немецком языке находим целый ряд афоризмов с указанным признаком, ср.: *Wer Federn hat, den kann man rupfen. Wer eine Gans rupfen will, fang bei den Federn an. Die Tauben müssen Federn lassen.*

Однако в целом эквивалентность пословиц немецкого и русского языка с орнитонимами на ситуативном уровне велика, так как вся совокупность представленных ситуаций легко может быть сгруппирована в ряд типичных ситуативных моделей, которые образуют основу антропоцентрических метафор. Это прежде всего метафора “гнездо” как дом, очаг и “обитание стаями” как объединение единомышленников, ср.: *Всяк кулик свое болото хвалит. Ein jeder Vogel liebt sein eigenes Nest. Besser ohne Fest als ohne Nest. Одна ласточка весны не делает. Wo Tauben sind, fliegen Tauben zu. Eine Kröhe sitzt gern mit den anderen.*

Тот факт, что все многообразие ситуативных моделей анализируемых паремиологических единиц может быть сведено к некоторому набору общеупотребительных антропоцентрических метафор в сопоставляемых языках, является, на наш взгляд, очевидным доказательством невозможности выявить национальную специфику пословиц и поговорок с орнитонимами на третьем уровне анализа, т.е. на уровне их совокупного фразеологического значения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сопоставительные исследования, направленные на выявление национально-культурной специфики лингвистических фактов, имеют наряду с культурологическим очень важное лингводидактическое значение. В частности, огромным потенциалом в этом плане обладают анализируемые в статье паремиологические единицы, поскольку они отражают основные типы жизненных ситуаций, тематические группы и основные пары противопоставлений, существующих в языке [7, 264]; в них содержатся многие типичные реалии и, кроме того, они обладают фиксированными синтаксическими структурами, удобными для запоминания. Представляется, что подобные материалы могут эффективно использоваться на разных ступенях обучения иностранным языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
2. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

3. Donec P. Der nationalkulturelle Aspekt der Fachsprachen / Das Wort. Germanisches Jahrbuch. М., 1992.
4. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М., 1991.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983.
6. Крикман А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы / Паримиологические исследования. М., 1984.
7. Паримиологические исследования. М., 1984.

Словари

1. Röhrich L., *Sprichwörtliche Redensarten*. 1986.
2. *Sprichwörterlexikon*, Leipzig, 1985.
3. *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1985.
4. *Русские народные пословицы и поговорки*. М., 1958.
5. *Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок*. М., 1974.

М.В.Самсонова

Санкт-Петербургский госуниверситет

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДРЕВНЕГО ИМЕНИ

Real names tell you the story of the things they belong to.

J.R.R. Tolkien "The Two Towers"

Вряд ли можно представить себе жанр, более тесно связанный со своим адресатом, чем устная эпическая поэзия. Наблюдая за исполнением эпических сказаний в культурной среде, сохранившей устную традицию, мы убеждаемся, насколько важно для самого существования этой традиции присутствие внимательного, заинтересованного и подготовленного слушателя. Можно сказать, что аудитория участвует в создании эпического произведения наравне с певцом: именно она заставляет сказителя делать повествование сжатым или, наоборот, пространным и полным отступлений, заставляет останавливаться на деталях или лишь намекать искусственному слушателю на знакомые ему события эпического прошлого.

Слово, обращенное к слушателю из глубины эпической традиции, было целостным и самодостаточным. Будучи наполненным богатейшими звуковыми и смысловыми ассоциациями, оно одновременно несло информацию, поэтизировало, передавало оттенки отношения к